

Женщина с папиросой, или Такая красивая сирень

Молодежь Эстонии - Таммсааде - 1998 - 10 окт. - с. 3

Чередой юбилеев Поэтов завершается российский XX век: 1989-й - Ахматова, 1990-й - Пастернак, 1991-й - Мандельштам, 1992-й - Цветаева, 1993-й - Маяковский, 1995-й - Есенин. И напоследок на излете века - 200-летие Пушкина в 1999-м.

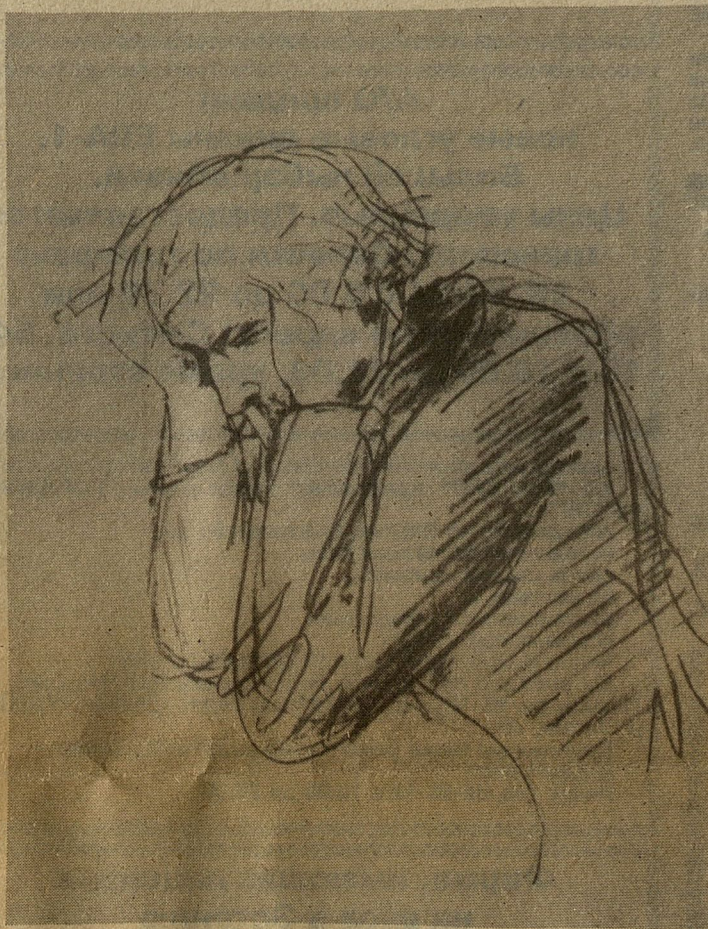
званную "Вечерний альбом". Потом типография превратилась в 16-ю "Мосполиграфу".

Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном, превратившийся теперь в стихи...

В "Наталии Гончаровой" читаем: "Этих стихов нигде нет - что знала, то сказала, - и дома нигде нет. В первый раз, в революцию, я, держа на вытянутых руках свою, четырехлетнюю тогда, Алю, - увидела в окна залы рабочих, хлебавших деревянными ложками воблиный суп, в последний раз - с той же Алей за руку - да где же дом?"

Закрою глаза - стоит. Открываю - нет. Тополя не снесли. Потом может быть. Больше я в Трехпрудном не была".

Аля - Ариадна Сергеевна Эфрон. Дочь. К ней и мужу своему, приехавшим из эмиграции на два года раньше, возвращалась с сыном из-за границы, чтобы поселиться в поселке Новый Быт под Болшевым. Хорошее название - Новый Быт, современное... Через год арестовали дочь, потом мужа. Дочь провела несколько лет в Туруханске, месте ссылки товарища Сталина в начале девятисотых годов. Сохранился карандашный парижский портрет Цветае-



В эти дни отмечается 100 лет со дня рождения Марины Цветаевой



вой работы Али, Ариадны Сергеевны. Он - перед вами. Можно ли рассказать больше?

Слушаю по радио стихи Цветаевой в исполнении знаменитой нынешней актрисы: буква к букве, характерное драматическое придыхание, все как и положено быть. Только - без "сквозняка". А без него откуда взяться той плотности и концентрации чувства, той "чрезмерной интимности", в которой юную Цветаеву еще Гумилев упрекал. "Ее жизнь была клубком прозрений и ошибок", - скажет И. Эренбург. А могла ли быть другой, если единственной роскошью, доступной поэту, был только собственный трудный, наверное, плохой, характер? Жизнь постоянно испытывала ее на прочность, и словно за неотпущенные кем-то грехи вся она, от начала и до конца, с о п р о в о ж д а л а с ь пронзительным чувством "сиротства", "круглого одиночества". Вот уж кто не подходит ни под какие определения: ни своя, ни чужая, ни свой среди чужих, ни чужой среди своих. Она была ничей. Одна только поэзия могла быть спокойна, ей Цветаева принадлежала безраздельно. Но кто ищет в

поэзии, в искусстве ответы на важные вопросы на изломе, на перепутье? В такие моменты одно только интересует - как выжить? Тут уж не до поэтов, не до искусства. И не об этом ли только что говорил "В до и после полуночи" Андрей Кончаловский. Так что же, все повторяется?

...Молодая женщина в пенсне рядом с молодым, в высоком крахмальном воротничке мужчиной, только что ставшим ее мужем. Больше мы не увидим пенсне на ее фотографиях.

Вот другое фото - женщина с маленькой дочерью. Еще одно - с сыном. Еще - с папиросой. С папиросой не расставалась никогда. Этого было не отнять. И еще никогда не изменяла правилу пользоваться в письме старой орфографией с ятями. Только в упоминавшемся выше обращении к Павленко намеренно наступила себе на горло.

Началась война. Эвакуация. Чистополь, потом Елабуга. Жизнь в углу, отделенном от хозяев занавеской. 31 августа все жители Елабуги вышли на расчистку посадочной площадки для аэродрома. За работу каждому было обещано выдать буханку хлеба. Осталась дома одна, не знала, успеет ли? Потому торопилась, когда писала последнюю записку сыну: "Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але - если увидишь, - что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик".

В тот день в Елабужском кинотеатре показывали фильм "Гроза" по пьесе Островского с Аллой Тарасовой в главной роли.

Нет, совсем это не юбилейные подробности. Давайте о том, что было потом. Ровно через 15 лет, в октябре 1956-го, вышел сборник "День поэзии" и в нем стихи Цветаевой. В 1961-м в знаменитых "Тарусских страницах" - еще стихи. Тогда же - первая отдельная книжка. В 1965-м - том в большой серии "Библиотеки поэта". Помертвенная слава Цветаевой набирала обороты, вырастая, как и все у нас всегда, до размеров беспредельных, принимая самые неожиданные формы и проявления.

В замечательной книге Марии Белкиной "Скращение судеб" находим поразительное свидетельство Ариадны Сергеевны Эфрон, в последние годы жизни часто приезжавшей в Тарусу, туда, где когда-то снимал дачу. Иван Владимирович Цветаев, где не раз бывала юная Цветаева. "Пришла группа из дома отдыха, - рассказывает Ариадна Сергеевна. - Здесь, значит, жила известная..." - "Нет, не здесь, а на территории вашего дома отдыха". - "Н-да. И - писала?" - "И писала". - "Писала, значит... А нельзя ли у вас сирени купить? Такая красивая сирень!" - "Я не продаю. Могу подарить". - "Да?! Не беспокойтесь, пожалуйста. Мы сами наложим!"

Жизнь продолжается...
В. АНДРЕЕВ.
Репро К. ЛИИВА.

10.10.98
Цветаева м. А.